

Мао Сяофэй больше не мог этого терпеть. Он тут же велел Му Цаньшану подниматься — нужно было уходить немедленно.

Му Цаньшан порывался было снова взвалить его себе на закорки, но Мао Сяофэй наотрез отказался. Плотный обед придал ему сил, да и негоже взрослому парню ехать на чужой спине — срам да и только!

Впрочем, соревноваться в прыти с Чжуаси, который круглый год носился босиком по лесам и весям, было делом гиблым. Пока воришка вязал пойманных фазанов пеньковой бечевкой — по три штуки в связку, — с него сошло семь потов, и теперь он просто сидел на земле, тяжело дыша.

Мальчишка примостился неподалеку на корточках и с недоумением следил за его возней. Он искренне не понимал, к чему тратить веревку на живую, бьющуюся птицу. У них, среди племен варваров, дикие куры считались самой бросовой, никчемной пищей.

Двенадцать птиц, четыре связки. И тут Мао Сяофэя осенило: если тащить эту орущую и хлопающую крыльями ораву с собой, то о поездке на спине генерала придется забыть. Двенадцать диких кур непременно устроили бы переполох, заклевали бы Му Цаньшана, да и весили они прилично.

Поразмыслив, Мао Сяофэй навьючил две связки себе на шею, остальные взял в руки и уныло пробормотал:

— Ладно, не надо меня нести. С таким грузом мы далеко не уедем. Это ведь целебная похлебка для твоих раненых, ни одного пернатого нельзя упустить.

В итоге Му Цаньшан забрал оставшиеся шесть птиц. На бьющихся в путах кур молодой генерал косился с таким подозрением, словно держал в руках свирепых хищников.

Мао Сяофэй прыснул со смеху:

— Да не сожрут они тебя! Тоже мне, грозный воевода, а испугался кучки фазанов.

Он еще во время охоты приметил, что семь птиц ведут себя как-то вяло, почти не сопротивляясь. Они забились глубоко в солому, притихли и даже не пытались сбежать — Мао Сяофэю пришлось изрядно повозиться, чтобы их выудить. Впрочем, сейчас было не до разгадывания куриных болезней.

— Нам далеко идти? — на ходу спросил Мао Сяофэй, оборачиваясь назад.

Чжуаси нигде не было видно, но парень не сомневался: волчонок крадется следом. Не мог же он проделать столь долгий путь из племен варваров только ради того, чтобы бросить их у самой

цели.

— Не отставай и помалкивай. Береги силы, — отозвался Му Цаньшан.

Спорить Мао Сяофэй не стал. Генерал-то парень закаленный, тренированный, ему долгие переходы нипочем — вон, шел да по дороге болтал без умолку, даже не запыхавшись. А вот простому воришке на дальних дистанциях действительно лучше было держать рот на замке, чтобы не растерять остатки дыхания.

Они шли уже несколько часов. В животе у Мао Сяофэя уныло заурчало от голода, ноги гудели, и ему безумно хотелось попросить о привале. Однако Му Цаньшан шагал сосредоточенно и молча, останавливаясь лишь на развилках, чтобы свериться с неприметными приметами и выбрать верную тропу. На его суровом, волевом лице лежала такая серьезность, что жаловаться на усталость показалось малодушным.

— Старший брат Сяо Фэй, мы почти на месте.

Мао Сяофэй так и замер.

— Живее, не отставай, — Му Цаньшан, не услышав за спиной шагов, обернулся.

Мао Сяофэй уставился на него круглыми от изумления глазами:

— Ты... как ты меня сейчас назвал?

— Старший брат Сяо Фэй, — на суровом лице генерала промелькнула мимолетная улыбка.

Для Мао Сяофэя эта редкая улыбка была подобна слепящей вспышке солнца. Черт бы побрал этого Му Цаньшана, до чего же он хорош собой, когда улыбается! Но поразило воришку другое: величавый, грозный полководец запросто обратился к нему по имени, да еще так мягко. Это совсем не то же самое, когда его кличет простоватый Сюй Цю.

В голове у Мао Сяофэя мгновенно воцарился полный сумбур.

— Пришли, — Му Цаньшан мгновенно посерьезнел. Он приподнял руки Мао Сяофэя и перевесил оставшиеся связки фазанов ему на локти.

Воришка опомнился, только когда они уже втискивались в узкую, темную расщелину между скалами. Под ногами скользила мокрая глина; здесь едва ли могли разминуться двое. Мао Сяофэй задрал голову: высоко над ними небо сузилось в тонкую, еле заметную нить. Сами они в этом каменном мешке казались жалкими, ничтожными муравьями.

Преодолев жутковатый проход, они вышли на открытое пространство, и перед ними раскинулась колоссальная котловина. Снизу доносился громоподобный гул — сотни глоток выкрикивали команды, шло учение. От ног путешественников вниз уводила крутая, петляющая каменная тропа, а взору открывалась необозримая долина, обнесенная неприступными кручами.

— Здесь я муштровал полки прошлым летом, — негромко пояснил Му Цаньшан. — Так и думал, что они отойдут сюда.

Генерал было протянул руку, чтобы помочь спутнику спуститься по скользким ступеням, но в этот момент со стороны лагеря к ним поспешил дозорный отряд. Заметив своих людей, Му Цаньшан тут же одернул руку и властно завел ладони за спину.

Возвращение главнокомандующего, разумеется, обставили со всей подобающей торжественностью. Окруженный восторженной толпой офицеров и адъютантов, Му Цаньшан скрылся из виду. Мао Сяофэй лишь усмехнулся вслед этой процессии. Перехватив поудобнее веревки с бьющейся птицей, он поплелся расспрашивать проходящих мимо ратников о дороге к лагерю новобранцев. Под недоуменными и откровенно насмешливыми взглядами солдат воришка со своим кукарекающим грузом наконец добрал до родной палатки.

— Старший брат Сяо Фэй! — Сюй Цю, огромный и тяжелый, как скала, с разбегу сгреб друга в удушающие объятия.

Стоявший рядом Сюй Ци молча протянул Мао Сяофэю увесистый сверток.

— Что это?.. — парень развязал узел, и слова застряли у него в горле. Внутри лежали его воровские инструменты и припрятанные монеты — всё то, что он наспех собрал перед тем неудавшемся побегом. Раз Сюй Ци сумел раздобыть эти вещи, значит, он возвращался за ним в охваченный паникой лагерь.

Горло перехватило от волнения. Мао Сяофэй привык полагаться только на себя и не ждал, что кто-то станет рисковать головой ради него в такой заварухе.

— Сюй Ци... спасибо тебе.

Сюй Ци лишь кивнул и, проигнорировав любопытные взгляды соседей по бараку, принялся расправлять постель Мао Сяофэя. Место воришки по-прежнему оставалось посередине — между Сюй Ци и Сюй Цю. Страхнув пыль с тюфяка, А-Ци кивнул на кровать:

— Измотался, небось, за эти дни? Скидывай рубаху да ложись, в ногах правды нет.

У Мао Сяофэя защемило в груди от такой простой, бесхитростной заботы. Он послушно стащил пыльную куртку и плашмя рухнул на солому, уткнувшись лицом в подушку.

— Сюй Цю, принеси-ка свежей воды, — не оборачиваясь, велел Сюй Ци, а сам принялся шарить в вещах в поисках целебной мази. Вернувшись к постели друга, он взглянул на обнаженную спину Мао Сяофэя, и взгляд его сделался ледяным.

— Мао Сяофэй.

— М-м? — сонно отозвался тот, пытаясь приподняться, но Сюй Ци жесткой ладонью бесцеремонно вдавил его обратно в матрас.

Удерживая парня за шею, Сюй Ци принялся медленно, почти осторожно наносить мазь на ссадины. Мао Сяофэй напрягся. Он вспомнил, какими отметинами покрыты его плечи, поясница и бедра после бурных ночей с молодым генералом. Интересно, понял ли Сюй Ци, откуда они взялись? С самого начала А-Ци казался ему человеком непростым, явно повидавшим виды и имеющим за плечами солидный опыт бродячей жизни, пусть даже при нем он ни разу не пускал в ход кулаки.

— Больно же!.. — тихонько заскулил воришка.

— Больно? — Сюй Ци словно очнулся от тяжелых дум. Он заметно ослабил хватку и молча, сосредоточенно закончил обрабатывать раны.

Изнурительный побег из лагеря племен варваров выжал из Мао Сяофэя последние силы, и ему было уже наплевать на подозрения друга. Стоило Сюй Ци подняться, как воришка уже вовсю сопел, приоткрыв рот.

А-Ци долго стоял над ним, вглядываясь в измученное лицо потемневшими глазами. Наконец он убрал лекарство и лег рядом, на свое место. Повернувшись на бок, он пристально, не мигая, разглядывал спящего парня, и лишь когда в палатку робко заглянул Сюй Цю, Сюй Ци притворно зевнул и сел, потирая веки.

— Я, наверное, слишком долго ходил? Вы уже уснули... — виновато забормотал здоровяк Сюй Цю, боязливо поглядывая на хмурого соседа. — Прости, Старший брат Сюй.

— Всё в порядке, я как раз успел немного вздремнуть, — ровным голосом ответил Сюй Ци. — Сходи-ка лучше на кухню, разузнай, не осталось ли чего съестного. Надо бы подкормить твоего названного брата.

Сюй Цю замялся. Время обеда давно прошло, а выпросить у тамошних прижимистых поваров хоть корку хлеба во внеурочный час — задача почти невыполнимая. Но, глянув на бледное, осунувшееся лицо Мао Сяофэя, здоровяк решительно кивнул и поплелся выполнять поручение.

Оставшись наедине со спящим, Сюй Ци смочил чистую тряпицу водой, бережно отер пот с шеи и плеч парня, а затем укрыл его одеялом до самого подбородка, заслоня чужие нескромные

взгляды. Мокрое полотенце со всплеском полетело в медный таз.

Он снова лег, но сон не шел к нему. Сюй Ци невидящим взором уставился в потолок палатки, сжимая кулаки под одеялом так, что хрустели суставы.

Поужинав, Мао Сяофэй отправился к своему новому хозяйству. Му Цаньшан выделил ему под птичник изрядный кусок земли на окраине лагеря, обнесенный плетнем, и даже приказал плотникам срубить небольшую сторожку, которая пока стояла недостроенной. Усевшись на штабель свежих бревен, парень сорвал плотный зеленый листок и прижал к губам, выводя незамысловатую нежную мелодию. Прохладный сумеречный ветер приятно охлаждал лицо, принося долгожданный покой, и воришка с блаженным вздохом зажмурился.

Идиллия длилась недолго. Послышался торопливый топот тяжелых сапог. Мао Сяофэй недовольно распахнул глаза и увидел спешащего к нему вестника. Приглядевшись, он с удивлением узнал в запыхавшемся бойце старого знакомого.

Спрыгнув на землю, Мао Сяофэй окликнул его:

— Чжоу Цзи! Что стряслось?

— Наши поймали лазутчика из племен варваров! — выдохнул тот, упираясь руками в колени. — Собираются заживо спалить его прямо на плацу, весь лагерь сбежался глазеть. Ты как, пойдешь смотреть?

Чжоу Цзи наткнулся на эту новость случайно, когда совершал вечернюю пробежку. Узнав от сослуживцев о поимке пленника, он тут же вспомнил про птичник Мао Сяофэя, мимо которого проходил днем. Обычные солдаты не придали значения возвращению какого-то оборванца вместе с молодым генералом, но Чжоу Цзи, помнивший, как лично передавал воришке золото от командования, сразу смекнул: этот парень на особом счету. А потому решил лично прибежать и поделиться слухами. К тому же он еще днем разузнал, что Мао Сяофэй вернулся в лагерь в тот же час, что и главнокомандующий, и укрепился в своих подозрениях: простой птичник, говорите? Как бы не так, обычного скотника генерал при себе держать не станет.

Лицо Мао Сяофэя мгновенно побелело. Он судорожно натянул стоптанные башмаки и схватил Чжоу Цзи за плечи:

— Пленник... это ребенок?!

— Откуда ты... Да, малец! Но, клянусь богами, это сущий бес в человеческом обличье! — зачастил Чжоу Цзи, возбужденно жестикулируя. — Бросается как бешеный пес, искусал больше десятка наших, пока его скрутили. В толпе чего только не кричат: кто требует

разорвать его конями, кто — заживо содрать кожу. В конце концов сжалились и решили просто сжечь. Сяо Фэй, ты бы видел этого зверя! На вид года три-четыре, клоп мелкий, а зубами метит исключительно в глотку. Страшно представить, какой людоед из него вырастет, если оставить в живых. Да и племена варваров, ублюдки, спалили наши бараки, унесли жизни сотни с лишним братьев по оружию. Кровь за кровь!

Заметив, что собеседник оцепенел и не проронил ни слова, Чжоу Цзи осекся и подозрительно прищурился:

— Сяо Фэй? Эй, что с тобой?

— Н-ничего, — выдавил Мао Сяофэй, утирая холодный пот со лба. — Где это происходит? Веди быстрее!

— Да на главном плацу. Кто-то уже побежал докладывать генералу Му, так что казнь пока отложили на четверть часа. Поспешим!

Вскоре помощь Чжоу Цзи уже не требовалась. Мао Сяофэй сам издалека завидел колышущееся море солдатских голов. Над площадью стоял нестройный, зловеющий гул сотен голосов, сквозь который то и дело прорывались яростные выкрики:

— Сжечь выродка!

— Четвертовать его!

— В огонь! В огонь! В огонь!

У Мао Сяофэя потемнело в глазах. Расталкивая дюжих ратников локтями, не обращая внимания на ругань и тычки, он отчаянно пробивался к первому ряду оцепления. И когда ему наконец удалось протиснуться вперед, перед ним открылась страшная картина.

Посреди плаца, прямо на пыльной земле, лежала тяжелая пеньковая сеть, в которую, точно дикий лесной зверь, был пойман маленький ребенок.

Это был Чжуаси.

Мальчик затравленно скалил зубы, выпучив круглые дикие глаза, и издавал глухое утробное рычание, от которого мороз шел по коже. Он то и дело вгрызался в прочные узлы сети, тщетно пытаясь перекусить веревки. На нем не осталось даже жалкой набедренной повязки из травы — дикаря раздели догола. Сжавшись в комок, волчонок с бешеной злобой зыркал на обступившую его толпу, то разражаясь истошным воем, то начиная неистово метаться внутри путов, но сеть держала крепко.

Слушая этот леденящий душу хриплый крик, Мао Сяофэй наконец понял, почему тот смуглый воин в лагере племен варваров замялся, подбирая слова, и наотрез отказался называть Чжуаси обычным человеческим детенышем.

Звуки, вырывавшиеся из детской груди, не имели ничего общего с человеческой речью. Так были в глухих ночных чащах лесные хищники. Это был голос волка.

<http://bllate.org/book/18429/1820429>